

30f
И85

Проф. Я. Я. Исаевъ.

НН
5.

301
И85

Вопросы социологии.

- I. Техника и хозяйство въ основѣ культуры.
- II. Эгоизмъ, дружелюбіе, классовые интересы.
- III. Борьба общественныхъ группъ.
- IV. Личность и среда.
- V. О сходствахъ и различіяхъ въ развитіи народовъ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Издание „Вѣстника Знанія“ (В. В. Битнера).

1906.

ПРОЕ. 1957

Др.

С. С.

10

ддб7
26

A. S. McAulay

Предисловіе.

Пять очерковъ, входящихъ въ составъ этой книги, образуютъ одно цѣлое. Въ первомъ очеркѣ я изслѣдовалъ вліяніе техники и хозяйства на другія стороны культуры. Изученіе самолюбія, альтруизма и классового интереса, какъ важнѣйшихъ силъ, управляющихъ общежитіемъ, составляетъ предметъ втораго очерка. Третій—посвященъ изображенію борьбы соціальныхъ группъ. Члены соціальныхъ группъ несходны между собой силами ума и воли. Возникаетъ, поэтому, вопросъ объ исторической роли наиболѣе выдающихся людей; дабы отвѣтить на него, нужно выяснить отношеніе между личностью и средой. Это сдѣлано въ четвертомъ очеркѣ. Въ пятомъ, заключительномъ этюдѣ разсматриваются національные особенности, которыми отмѣчено развитіе общественной жизни у разныхъ народовъ.

А. А. Часевъ.

Измѣненіе цензурныхъ условій даетъ намъ возможность предложить вниманію читателей настоящій капитальный трудъ нашего сотрудника. До сихъ поръ эта книга на русскомъ языкѣ могла быть печатаема только заграницей.

„Редакція Вестника Знанія“.

ТЕХНИКА

ОЧЕРКЪ ПЕРВЫЙ.

Техника и хозяйство въ основѣ культуры.

I.

Экономическому материализму часто дѣлаютъ упреки за то, что онъ старается привести въ связь всѣ явленія общественной жизни со способами производства данного времени. Повидимому, не трудно забросать на этой почвѣ материалистовъ вопросами, которые съ первого взгляда будутъ производить впечатлѣніе, что материалистъ одностороненъ, узокъ даже... смѣшонъ, а его критикъ остроуменъ и широко образованъ. Оперы Россини, Мейербера, Вагнера не сходны между собою; въ какой-же связи стоять они съ промышленной жизнью нашего времени? Почему теперь, при новѣйшихъ способахъ производства, посвящается много ученыхъ силъ не только естествознанію или наукѣ о народномъ хозяйствѣ, но и богословію? Какъ объяснить условиями экономической жизни XV вѣка то, что Конерниѣ и его великое открытие падаютъ именно на это столѣтіе? и т. д., и т. д.

Способы производства и покоющіяся на нихъ хозяйственныя явленія составляютъ основные факты общественной жизни. Собокупность этихъ фактовъ поглощаетъ наибольшую сумму человѣческихъ силъ; она служитъ опредѣляющимъ условіемъ для всѣхъ сторонъ культуры, но не опредѣляетъ всего того, что входитъ въ составъ какой-либо идеологии. Во всѣхъ отдѣлахъ культуры данной эпохи можно намѣтить составныя части, прямо вытекающія изъ условій экономической жизни: это касается наиболѣе характерныхъ особенностей данной идеологии, границъ, за которыя условия хозяйственнаго быта не позволяютъ ей выйти, крайнихъ предѣловъ времени, когда она можетъ возникнуть, или же когда ея возникновеніе невозможно. Но въ каждомъ отдѣлѣ культуры можно найти такія составныя части, которые не стоятъ въ ближайшей связи съ экономическими бытомъ, а должны быть объяснены законами мышленія; согласно съ этими законами, известная система идей наталкиваетъ людей на опредѣленные выводы. Энгельсъ, развивая мысль о томъ, насколько государство, публичное и гражданское право вырабатываются подъ вліяніемъ экономической жизни, говоритъ: «Идеология еще болѣе высокаго порядка, т. е. еще болѣе отдаленные отъ материальной, экономической основы, принимаютъ форму философіи и религіи. Здѣсь связь представленій съ материальными условіями ихъ существованія становится все болѣе запутанной, все болѣе затемненной посредствующими звеньями. Но эта связь сущест-

вуетъ. Какъ вся эпоха Возрожденія, отъ половины пятнадцатаго столѣтія, была, по существу, продуктомъ городской жизни, т. е. буржуазіи, такъ и пробудившаяся отъ того времени философія; ея содержаніе было въ существѣ своемъ только философскимъ выраженіемъ мыслей, которыя соотвѣтствовали переходу мелкаго и средняго городскаго сословія въ крупную буржуазію. Религія возникла въ первобытное время изъ смутныхъ и дикихъ представлений людей о собственной и вѣшней природѣ. Каждая идеологія, разъ она существуетъ, развивается, тѣсно примыкая къ матеріалу для своего представленія, дальше перерабатываетъ его; иначе она не была бы идеологіей, т. е. работой надъ мыслями, какъ самостоятельными сущностями, независимо развивающимися и подчиненными собственнымъ законамъ. У людей, въ головахъ которыхъ совершается этотъ процессъ мысли, нѣть сознанія, что матеріальные условія жизни людей въ конечномъ итогѣ опредѣляютъ этотъ процессъ, иначе наступилъ бы конецъ самой идеологіи.»¹⁾

Поясняя этотъ отрывокъ, мы скажемъ, что многое въ области идеологій очень отдалено отъ матеріальныхъ условій существованія людей; эти условія могутъ быть связаны съ такими составными частями идеологій только посредствомъ ряда ступеней. Положеніямъ экономического матеріализма нисколько не противорѣчить то, что одна группа идеологій развивается подъ вліяніемъ идеологій другого порядка—право развивается подъ вліяніемъ религіозныхъ представлений и непосредственнымъ вліяніемъ политической жизни. Матеріализмъ настаиваетъ только на томъ, что эти ближайшіе факторы не образуютъ особаго, самостоятельного міра, которой быль бы совершенно отрѣзанъ отъ міра матеріальныхъ заботъ. Если мы, наблюдая перемѣны въ мірѣ идеологіи, отъ факторовъ, которые относятся къ области нравственности, религіи, политики, взойдемъ къ причинамъ, болѣе отдаленнымъ, то увидимъ, что онѣ связаны съ общественнымъ хозяйствомъ.

Матеріализмъ, взятый въ цѣломъ, представляется философскою системой, далеко не законченной; особенно же мало разработана область происхожденія идеологій и ихъ зависимость отъ хозяйства. Вліяніе хозяйства на многіе отдѣлы права подмѣчено уже давно. Связь же между экономическою жизнью съ одной стороны и наукой, искусствомъ, религіей съ другой—весьма мало изучена, и не одному поколѣнію ученыхъ предстоитъ плодотворная работа на этой нивѣ.

Какъ ни трудно установить здѣсь общія положенія, слѣдуетъ имѣть въ виду, что весь міръ идеологій зависитъ отъ экономической жизни (и въ конечномъ итогѣ отъ способовъ производства) въ такихъ отношеніяхъ. Нужно довольно высокое состояніе хозяйства, дабы идеологіи достигли значительного развитія. Обширныя царства востока—древнее персидское, монгольское, съ мало развитою хозяйственною жизнью, не остались человѣчеству духовнаго наслѣдія. Духовная жизнь древняго Рима въ первые вѣка его существованія была бѣдна и однообразна, такъ какъ и народное хозяйство находилось на очень низкой ступени развитія. Напротивъ, достояніе, полученное нами отъ эллинскаго міра, очень богато. И главное, что создали греки, относится къ периоду между VI и IV вѣками до Рождества Христова, т. е. ко времени, когда экономическая жизнь достигла высшаго расцвѣта. Лучшіе представители эллинской мысли и художественнаго творчества по происхожденію и воспитанію принадлежали Аѳинамъ или другимъ, экономически наиболѣе развитымъ общинамъ. Послѣ Александра Македонскаго хозяйственный бытъ Греціи клонится къ упадку; а съ тѣмъ вмѣстѣ и то, что выростаетъ въ мірѣ греческихъ науки и искусства, блѣдно по сравненію съ предыдущими столѣтіями.

Тоже можно сказать и о древнемъ Римѣ. За 2 столѣтія до Рождества Христова его экономической быть достигаетъ высшаго развитія, которое длится еще 2—3 вѣка по началѣ нашей эры. На это время и падаетъ самое яркое выражение римской духовной жизни: именно въ этотъ періодъ жили лучшіе римскіе поэты, философы, историки, правовѣды, ораторы. Мусульманскій міръ достигъ высокого творчества въ области идеологій послѣ того, какъ завоеванія развили его предѣлы въ трехъ частяхъ свѣта, упрочили осѣдлый образъ жизни и основали экономически цвѣтущія царства въ Азіи, Испаніи. Величайшіе итальянскіе поэты, художники и ученые жили въ то время (XIII—XVI столѣтія), когда экономическая жизнь мелкихъ итальянскихъ государствъ была ключемъ. До XVI столѣтія Англія не даетъ намъ именъ, которыхъ пріобрѣли бы міровое значеніе. Первыми въ ряду этихъ именъ стоять Шекспиръ и Бэконъ, а они жили въ концѣ XVI столѣтія, когда Англія начала дѣлать огромные успѣхи въ колоніальной политикѣ, повлекшіе за собой пышный расцвѣтъ всего народнаго хозяйства. Англія XVII столѣтія развертываетъ передъ нами цѣлую галлерею портретовъ во всѣхъ областяхъ научнаго творчества и въ политикѣ. Знакомясь съ исторіей Англіи, мы видимъ, что отъ конца XVI столѣтія ея экономическое развитіе, иногда прерывавшееся, въ общемъ быстро шло впередъ. Можно было бы пріобщить къ сказанному и много другихъ примѣровъ. Связь между ростомъ хозяйства и успѣхами другихъ сторонъ культуры такъ очевидна, что издавна историки, описывая царствованіе Гарунъ-аль-Рашида, Августа, Елизаветы Англійской, говорятъ объ успѣхахъ промышленности и торговли, о процвѣтаніи наукъ и искусствъ. Конечно, старинные историки, подмѣчая эту связь, не выясняли ея характера, не восходили до истолкованія категорій обоихъ рядовъ, какъ причинъ и слѣдствій. Не трудно понять, что хозяйственная жизнь, измѣняясь, вырабатываетъ условія, которыхъ и служатъ опредѣляющими для міра идеологій. Это общее вліяніе можетъ быть намѣчено такими чертами.

А) Хозяйственные успѣхи народа, всегда покоющіеся на усовершенствованіи орудій и способовъ производства и обмѣна, ведутъ къ росту богатства; оно накапливается въ рукахъ отдельныхъ лицъ и обусловливаетъ общественную дифференціацію. Въ группахъ, наиболѣе обеспеченныхъ и далеко стоящихъ отъ ручного труда, люди даровитые могутъ посвятить себя наукѣ, искусству, политическому творчеству. Гдѣ общественный быть еще слабо дифференцированъ, тамъ творчество воплощается въ лицахъ наиболѣе всесторонняго развитія—такомъ Аристотелѣ, Юліи Цезарѣ, Леонардо да-Винчи, при чёмъ одинъ человѣкъ совершає величія дѣла во многихъ областяхъ человѣческой мысли, или въ наукѣ и искусстве, или же въ наукѣ и политикѣ. Когда общественное расчлененіе и специализація занятій и знаній подвинулись такъ далеко впередъ, какъ въ наше время, то высшее творчество въ мірѣ идеологій ограничивается отдельными областями (при чёмъ успѣхи, сделанные въ нихъ, конечно, вліяютъ на успѣхи въ другихъ отрасляхъ). Назовемъ Дарвина, Гельмгольца, Пастера, Рикардо, Маркса. Нашему положенію не противорѣчить фактъ, что иногда люди, занимающіе самыя высокія мѣста въ наукѣ и искусстве, принадлежать къ бѣднымъ семьямъ. Ихъ высокія дарованія не заглохли при такихъ условіяхъ потому, что были въ ихъ дѣтствѣ, юности періоды, когда общественная или частная благотворительность позволила имъ свободиться отъ простѣйшихъ работъ и посвятить себя наукѣ и искусству. И для того, чтобы даровитые члены неимущихъ классовъ могли принимать участіе въ развитіи идеологій, необходимо, чтобы богатые классы получили вкусъ къ духовной культурѣ. Древній персы или римлянинъ при царяхъ не могъ облегчить своему рабу дорогу въ область науки или искусства потому, что

и онъ самъ, не достигнувъ значительного уровня экономической жизни, не имѣлъ вкуса къ этимъ занятіямъ. А римскій гражданинъ временъ послѣдней Пунической войны или Августа, пріурочивъ наиболѣе даровитыхъ рабовъ къ занятію наукой и искусствомъ и облегчалъ вольноотпущеннымъ дорогу въ міръ идей. То же можно сказать о меценатствѣ богатыхъ людей или государства бѣднымъ людямъ въ новѣйшее время.

Б) Развитіе хозяйственной жизни обыкновенно связано съ успѣхами дифференціаціи, которая открываетъ предъ идеологомъ гораздо болѣе широкое поле, чѣмъ однообразный быть простѣйшихъ обществъ. Разнообразіе жизни не только увеличиваетъ масштабъ творчества, но направляетъ вниманіе мыслителя или художника на многія и разнородныя явленія, позволяетъ ему лучше изощрить наблюдательность, облегчаетъ познаніе человѣческой души. Дарованіе Шекспира было бы велико всегда, подъ какимъ бы небомъ онъ ни родился. Но неблагопріятная внѣшняя обстановка могла бы повести къ тому, что отъ его великой духовной силы человѣчеству осталось бы очень скучное наслѣдіе. Представимъ себѣ, что британскій драматургъ родился не въ Англіи, а въ томъ же 1564 году въ Москвѣ, гдѣ тогда царствовалъ Иоаннъ Грозный, „другъ и братъ“ Елизаветы, что онъ принадлежалъ къ одной изъ англійскихъ семей, которая уже въ то время вѣзжали въ Россію по торговымъ дѣламъ, а иногда и окончательно поселялись въ Москвѣ. Можно поручиться, что изъ него не вышло бы и четверти Шекспира. Уже триста лѣтъ человѣчество наслаждается сокровищами, которыхъ онъ даровалъ намъ и которыхъ могли быть накоплены только въ довольно развитомъ и расчененномъ обществѣ. Король, вельможа, воинъ, законовѣдъ-крючкотворецъ, морякъ, ремесленникъ, мелкий торговецъ, крупный коммерсантъ и банкиръ, женщины разныхъ общественныхъ слоевъ—вотъ богатство типовъ, которые создалъ Шекспиръ; они уже были даны Англіей временъ Елизаветы. Наблюдая ихъ во всемъ ихъ разнообразіи, онъ имѣлъ гораздо болѣе благодарный матеріалъ для созданія общихъ и вѣчныхъ свойствъ человѣческой души, чѣмъ могъ бы располагать имъ въ сонномъ московскомъ царствѣ. И, наконецъ, его плодовитость могла имѣть пищу только въ обществѣ съ довольно развитой экономической жизнью и вкусомъ къ просвѣщенію: его драмы ставились на сценѣ и обеспечивали ему доходъ и лавры артиста. Живи Шекспиръ въ странѣ, гдѣ еще не было театра, его поэтическое творчество, если бы оно и дало произведенія высокой цѣны, дало бы ихъ въ гораздо меньшемъ числѣ. Связь между разнообразіемъ поэтическаго творчества и дифференціаціей общественной жизни (и въ концѣ концовъ успѣхами производства) можетъ быть отлично прослѣжена на современномъ романѣ. Диккенсъ, Бальзакъ, Золя, Доде создали, подъ вліяніемъ богато развѣтвленной англійской и французской жизни, гораздо болѣе обширную галлерею портретовъ, чѣмъ Гоголь, Гончаровъ, Глѣбъ Успенскій. И это нужно приписать не меньшимъ дарованіямъ русскихъ писателей, а меньшему разнообразію русской жизни по сравненію съ жизнью Западной Европы.

В) Успѣхи экономической жизни ведутъ за собою успѣхи науки и искусства и потому, что высота техническихъ знаній позволяетъ создать такія орудія и приспособленія, которые необходимы для развитія многихъ наукъ, а вкусъ къ просвѣщенію, изощренный ростомъ матеріального довольства, направляетъ успѣхи техники на служеніе научному знанію. Если бы механическое производство не поднялось на ту высокую ступень, какой оно достигло въ настоящее время, то не могли бы быть изготовлены усовершенствованные телескопы и микроскопы, а безъ нихъ не были бы возможны успѣхи астрономіи и естественныхъ наукъ. На ряду съ разви-

тіемъ технології необхідно такоже, щоби у отдельныхъ лицъ окрѣпла виростаюча обыкновенно на почвѣ матеріального благосостоянія наклонность дѣлать затраты на такие предметы и ставить ихъ къ услугамъ науки. Необходимо, чтобы и государство посвятило этой области известныя заботы (а это возможно лишь подъ условiemъ, что такие вкусы сложились въ господствующихъ классахъ). Обсерваторії, музеї, зоологіческія станції, бактеріологіческіе институты и служатъ учрежденіями, которые въ высокой степени облегчаютъ развитіе науки.

II.

Насколько же содержаніе идеологій опредѣляется економической жизнью? Мы вступаемъ здѣсь въ область, где еще предстоитъ огромная критическая и созидаельная работа и где нужно дѣлать каждый шагъ съ величайшою осторожностью. Прежде всего намъ представляется необходимымъ напомнить, что весь міръ идеологій распадается на два обширныхъ отдѣла: а) тѣ, которые имѣютъ человѣка своимъ предметомъ, и б) тѣ, которые посвящаютъ себя виѣшней природѣ. Въ первыхъ связь между содержаніемъ идеологіи и економическою жизнью непрерывна. Всегда можно свести содержаніе идеологіи на условія хозяйственной жизни. И если эта связь не ясна, то лишь вслѣдствіе малаго количества труда и вниманія, которые были посвящены этой области. Во второмъ отдѣлѣ эта связь носить гораздо болѣе общий характеръ: можно установить ее на нѣкоторыхъ ступеняхъ въ развитіи идеологіи, но было бы крайне неблагодарной задачей стараніе всегда уловить эту связь. Къ первому отдѣлу относятся право, искусство, религія, а также всѣ науки объ обществѣ; ко второму—всѣ отрасли знанія о виѣшней природѣ, о человѣкѣ, какъ видѣ животныхъ, и науки математическія.

Идеологіи второго отдѣла позволяютъ намъ установить между ними и економическою жизнью всегда общую, а иногда и спеціальную связь. Сказанное выше объясняетъ, почему известная высота економической жизни необходима для того, чтобы каждая наука—астрономія или бактеріологія, химія или политическая экономія—дѣлала успѣхи. Но спеціальная связь обнаруживается всего ярче при зарожденіи известной отрасли знанія. Астрономія развилась изъ астрологіи, а геометрія является старѣйшою изъ математическихъ наукъ. Почему? Въ древнихъ Египтѣ и Вавилонѣ жрецы наблюдали небесныя свѣтила и извлекали ихъ для нихъ практическія указанія для хозяйственной жизни. Геометрія, какъ напоминаетъ самое я наименованіе, была первоначально на службѣ у практическихъ задачъ,—измѣренія земли, для определенія границъ владѣнія частныхъ лицъ, для установленія поземельного налога и проч. Въ дальнѣйшемъ развитіи этихъ наукъ спеціальная связь между ними и економическою жизнью не можетъ быть прослѣжена. Сложные алгебраїческія формулы, которые построены великими математиками, или положенія, добытыя астрономами, не могутъ быть объяснены состояніемъ хозяйства данной эпохи. Въ дальнѣйшемъ развитіи этихъ наукъ къ нимъ примѣнимо положеніе Энгельса, которое приведено выше. Если зоологъ или ботаникъ нашего времени посвящаетъ всю жизнь работѣ надъ какими-либо видами животныхъ или растеній, дабы подкрѣпить законъ, признаваемый естествознаніемъ или, быть можетъ, для того, чтобы опровергнуть его, то онъ зависитъ въ своей работе отъ состоянія, которое достигла данная отрасль науки, а въ общихъ условіяхъ труда, благопріятныхъ или невыгодныхъ, зависитъ отъ економической жизни, какъ то отмѣчено выше.

Іное дѣло—отрасли знанія, имѣющія человѣка своимъ предметомъ, искусство, право и мораль. Изучая эти идеологіи, можно установить ихъ связь съ состояніемъ хозяйства на каждой ступени ихъ развитія.

Состояніе экономической жизни ни въ одной странѣ и ни въ какой періодѣ не бываетъ однороднымъ. Способы производства, которыми располагаетъ данное общество, и, сообразно съ ними, вся экономическая жизнь представляется въ троекомъ видѣ: 1) Извѣстная часть экономическихъ отношеній и способовъ производства, будучи для даннаго общества типичной, господствуетъ. 2) На ряду съ господствующими формами сохранились старыя, которые борются за существованіе и въ зависимости отъ условій времени и мѣста сохраняютъ позицію или же быстро оттесняются и переходятъ въ господствующій типъ. 3) Наконецъ въ этой средѣ обнаруживаются новыя теченія; они борются не только съ отжившими формами, но и съ тѣми, которые господствуютъ. Экономические интересы населенія страны и разбиваются естественно по этимъ тремъ отдѣламъ.

Распространяя установленное положеніе на одну изъ странъ Западной Европы (всего лучше на Англію, Бельгію, Германію, ибо въ нихъ хозяйственная жизнь достигла наиболѣе высокаго развитія), мы видимъ, что въ основаніе главной массы экономическихъ явлений могутъ быть положены такие технико-хозяйственные факты: А) Трудъ, облегчаемый разнообразными машинами и механическими приспособленіями. Б) Производство въ крупныхъ размѣрахъ и товарное. В) Сосредоточеніе орудій производства въ рукахъ меньшинства и обращеніе производителей (работниковъ) въ классъ неимущихъ. Г) Связь между частными хозяйствами на началѣ денежно-кредитнаго обмѣна. Если взять общественное хозяйство, напр., Англіи, то большая часть экономическихъ фактовъ можетъ быть сведена къ четыремъ отмѣченнымъ условіямъ, какъ къ простейшимъ элементамъ.—Однако, въ каждой изъ названныхъ странъ, не исключая Англіи, есть группы населенія, которые образовали въ прошедшемъ господствующій типъ, и еще не доразвились до типа, нынѣ преобладающаго. Есть и цѣлыя отрасли производства и отдѣльные предприятия въ другихъ отрасляхъ безъ приложенія машинъ или съ очень слабымъ ихъ примѣненіемъ. Есть мелкія промышленныя заведенія, работающія по заказу. Есть крестьяне—собственники и кустари, владѣющіе орудіями труда. Есть мѣстности страны, где кредитные отношения мало развиты, и связь между хозяйствами выражается исключительно въ денежномъ обмѣнѣ. Да и этотъ обмѣнъ незначителенъ, такъ какъ есть хозяйства, которые производятъ въ своихъ нѣдрахъ значительную часть того, что нужно для ихъ обихода. Параллельно развивается и третья группа экономическихъ фактовъ. Они связаны со всѣми тѣми сторонами господствующаго типа хозяйственныхъ явлений, где завоеванія технологіи въ большей или меньшей мѣрѣ парализуются строемъ собственности и организацией производства, а потому и не могутъ доставлять обществу всѣхъ выгодъ, которые вытекаютъ изъ ихъ существа. Такимъ образомъ особенности современного западно-европейского общества, отмѣченные подъ пунктами А и Б, принимаются представителями третьаго теченія; но интересы этихъ группъ населенія нарушаются двумя другими особенностями (В и Г). Во имя измѣненія этихъ особенностей рабочие группируются въ союзы и ведутъ борьбу съ господствующими типами. Ближайшія цѣли этой борьбы состоять иногда въ томъ, чтобы измѣнить къ лучшему условія жизни при удержаніи нынѣ господствующаго типа хозяйства; къ этому направлены, напримѣръ, всѣ стачки для повышенія заработной платы. Отдаленными же цѣлями служатъ: сохраненіе и дальнѣйшее развитіе машиннаго труда и производства въ крупныхъ размѣрахъ (А и Б); отмѣна частной собственности на землю и капиталъ (ибо только это можетъ устранить сосредоточеніе орудій въ немногихъ рукахъ) и денежно-кредитнаго обмѣна вмѣстѣ съ товарнымъ производствомъ (В и Г). Все населеніе страны и

его экономические интересы могут быть разбиты по тремъ названнымъ отдельамъ. И идеологии, имѣющія человѣка своимъ предметомъ, примыкаютъ или исключительно или преимущественно къ одному изъ типовъ: преобладающему и господствующему, устарѣвшему и исчезающему, нарождающемся, но еще малосильному, болѣе или менѣе далекому отъ господства.

Распредѣляя идеологии по тремъ группамъ, мы видимъ, что право представляетъ нѣкоторыя особенности, вытекающія изъ его характера. Общественные науки или искусство данныхъ времени и страны могутъ отвѣтить болѣе или менѣе громко на всѣ три группы хозяйственныхъ явлений и интересовъ. Положительное право создаетъ нормы, которые прямо охраняютъ интересы; такъ какъ оно вырабатывается классомъ, экономически господствующимъ, то подавляющею частью своихъ положений отвѣтаетъ на хозяйственные факты и интересы первого разряда, т. е. господствующій типъ, и въ несравненно меньшей степени отвѣтаетъ на запросы, которые исходятъ изъ областей второй и третьей.

Зависимость права отъ хозяйственной жизни наиболѣе очевидна. Какой отдельъ права мы бы ни взяли, мы можемъ свести его нормы на основные факты хозяйства. Въ финансовомъ правѣ, наука о которомъ часто рассматривается, какъ дополненіе къ политической экономіи, эта связь совершенно ясна. Такъ, уменьшившееся значеніе государственныхъ имуществъ въ ряду источниковъ государственныхъ доходовъ, отчужденіе казенныхъ имуществъ, отмѣна большей части натуральныхъ повинностей, преобладаніе налоговъ, развитіе государственного кредита и прочее, могутъ быть съ очень немногими посредствующими звенями сведены на сознаніе государственной власти, что частныя лица умѣютъ лучше, нежели государство, пользоваться усовершенствованными способами производства, которыми располагаетъ хозяйственная жизнь нашего времени, и что въ расчеты государства входитъ сокращеніе собственнаго производства (казеннааго сельскаго хозяйства, казенныхъ рудниковъ, заводовъ), передача этихъ имуществъ въ частныя руки и возвышеніе налоговъ. Перемѣны, обнаружившіяся въ большинствѣ европейскихъ государствъ за послѣднія десятилѣтія, въ смыслѣ увеличенія казенныхъ имуществъ государственными желѣзными дорогами, должны быть объяснены тѣмъ, что на ряду съ единоличнымъ частнымъ хозяйствомъ, развилось акціонерное, по своей громоздкости весьма сходное съ государственнымъ хозяйствомъ. Такъ какъ частная предпріимчивость примѣнялась къ желѣзнодорожному дѣлу исключительно въ акціонерной формѣ, то и окрѣпло сознаніе, что государство можетъ приобрѣсти желѣзныя дороги всегда безъ убытка, а часто съ выгодою, и управлять ими не менѣе успѣшно, чѣмъ управляютъ частныя общества.—Нечего и говорить, что обширный отдельъ права, образующій экономическое законодательство, можетъ быть очень легко сведенъ на явленія народнаго хозяйства.

Интереснымъ примѣромъ объясненія того, какъ народное хозяйство вліяетъ на право, является истолкованіе Родбертусомъ тѣхъ процессовъ, завершеніемъ которыхъ было образованіе колоната въ древнемъ Римѣ. Колоны, какъ и всѣ другіе рабы, были совершенно подчинены своему господику; но ихъ положеніе потому было лучше, нежели другихъ рабовъ, что они пользовались прочной осѣдлостью и не были отчуждаемы отдельно отъ участковъ земли, которые подлежали ихъ обработкѣ. Эта первая ступень въ переходѣ отъ рабства къ крѣпостному состоянію была вызвана измѣненіями земледѣльческой техники и перемѣнами въ сельскомъ хозяйстве. Въ послѣднее столѣтіе республики земельныя владѣнія римлянъ достигли огромныхъ размѣровъ. Обширность владѣній осталась и позднѣе выдающимся фактамъ въ жизни Рима, но способы веденія хозяйства рѣзко

измѣнились: крупное хозяйство уступило мелкому. Первой причиной были перемѣны въ способахъ производства посѣвовъ. Во время Плинія Старшаго земля стала подготавляться для посѣва болѣе тщательно; вошла въ употребленіе колесная мотыка. Земля должна была быть передъ посѣвомъ настолько рыхлой, чтобы въ ней вовсе не было крупныхъ комьевъ. Такая работа требовала большого старанія и тщательности. Въ обширныхъ владѣніяхъ, для которыхъ, при такомъ способѣ воздѣльванія земли, нужно было нѣсколько сотъ рабочихъ, имъ приходилось идти изъ усадьбы до полей очень долго, тѣмъ болѣе долго, что обыкновенно они шли туда скованными; работали они также въ цѣпяхъ. Полная невозможность интенсивнаго труда при подобныхъ условіяхъ и требовала, чтобы воздѣльвателъ земли былъ заинтересованъ въ своей работѣ, а для этого было необходимо перейти къ мелкому хозяйству.

Вторая причина была связана съ перемѣнами въ запросѣ со стороны рынка; это совершилось въ послѣднее время республики. Большой притокъ населения и накопленіе богатствъ въ Италіи и, особенно, Римѣ измѣнили нравы; обнаружился напряженный запросъ на продукты такъ называемой мелкой культуры. Разведеніе домашнихъ птицъ сдѣлалось гораздо болѣе выгоднымъ, чѣмъ полеводство. Въ окрестностяхъ Рима разстилались обширные цветники розъ, лилій и фіалокъ. Разнообразные овощи находили большой сбытъ. Фруктовые сады были предметомъ большого вниманія римлянъ; искусство улучшать сорта плодовыхъ деревьевъ сдѣлало выдающіеся успѣхи. Многія пашни были обращены въ искусственные луга, потому что потребность въ свѣжемъ молокѣ и сѣнѣ чрезвычайно увеличилась. Разведеніе маслинъ и виноградниковъ распространялось все болѣе и болѣе. Развилась сельскохозяйственная литература. Словомъ, во многихъ мѣстахъ Италіи земледѣліе приняло характеръ садоводства. Эти условія дѣлали невыгоднымъ вedenіе обширнаго хозяйства изъ одного центра.

Сюда присоединилась и третья причина. Когда римскіе землевладѣльцы перестали сами заботиться о своемъ хозяйствѣ, то передали звѣдываніе имѣніями управителямъ изъ рабовъ. Пока были живы управители, воспитанные сами владѣльцами, или ближайшіе потомки этихъ управителей, проникнутые ихъ началами, до тѣхъ поръ можно было спрятаться и съ новыми системами хозяйства; когда же вымерли эти поколѣнія, то стала ощущаться трудность веденія такого хозяйства. Трудность усугублялась и увеличеніемъ издержекъ производства, вслѣдствіе вздорожанія рабовъ. Завоеванія все новыхъ земель и большія массы военно-плѣнныхъ обеспечивали римлянамъ увеличеніе числа рабовъ и возможность покупать ихъ недорого. Но къ концу республики для завоеваній остался уже гораздо меньшій просторъ, пріобрѣтеніе рабовъ за предѣлами Италіи стало болѣе затруднительно, и цѣна рабовъ повысилась. Пользоваться же малоуспѣшнымъ трудомъ дорогихъ рабовъ для интенсивной культуры было убыточно. А такъ какъ классъ свободныхъ арендаторовъ еще не сложился, то римлянамъ, которые были всегда отличными счетоводами, оставалось одно: разбить латифундіи на мелкіе участки и пріурочить къ каждому участку известное число рабовъ, которые и были колонами; они пользовались большею свободой, чѣмъ рабы, направляемые для сельскохозяйственного труда изъ одного центра. Первоначально положеніе колона чисто фактически отличалось отъ положенія другихъ рабовъ; но постепенно въ отношеніи къ этой группѣ и тѣмъ рабамъ, которые выросли въ помѣстьяхъ и образовали ихъ желѣзный инвентарь (*adscriptitii*), произвѣлъ господь былъ смягченъ; это послужило исходной точкой для образованія класса крѣпостныхъ²).

Итакъ, побужденія, вслѣдствіе которыхъ въ жизни римскихъ рабовъ совершились крупныя перемѣны, вытекали не изъ распространенія началь гуманности, а только изъ преобразованія земледѣльческой техники и сельскохозяйственнаго рынка. Какъ просто, естественно, убѣдительно это объясненіе сравнительно съ тѣмъ, что мы находимъ въ книгѣ Данквардта, вышедшей лишь четырьмя годами ранѣе и удостоенной хвалебнаго предисловія Ропера. Въ концѣ прошлаго вѣка, говорить Данквардтъ, вся европейская жизнь была скована монополіями. Но съ начала нынѣшняго столѣтія стали изучать политическую экономію, и она постепенно убѣдила людей, что стѣсненіе промышленной свободы, за исключеніемъ нѣкоторыхъ развѣ промысловъ, есть большая несправедливость относительно устранинныхъ и особенно относительно будущихъ поколѣній. Чрезъ такое стѣсненіе множество гражданъ осуждается на бездѣлѣствіе и нищету, а безчисленное множество людей, обозрѣвшіи впервые жизнь, съ грустью замѣ чаютъ, что для нихъ нѣтъ больше мѣста на великомъ поприщѣ народной дѣятельности. Съ другой стороны множество счастливцевъ отдается лѣни³⁾. Читая такое объясненіе причинъ, которыя привели къ отмѣвѣ цеховъ, невольно дѣлаешь выводъ, что въ половинѣ 19 столѣтія законодатели были гораздо болѣе гуманны, чѣмъ теперь: ихъ беспокоила мысль, что могутъ быть на свѣтѣ люди, не находящіе работы, и богатые счастливцы, которые проводятъ жизнь въ праздности и нѣгѣ. А законодатели нашего времени всѣми силами поддерживаютъ капиталистическое производство, хотя ему сопутствуетъ огромная армія безработныхъ, и оно позволяетъ роскошно лѣниться очень многимъ счастливцамъ!

Посмотримъ на отдѣлъ права, который, повидимому, далеко стоить отъ экономической жизни,—право народнаго просвѣщенія.

До девятнадцатаго вѣка народное просвѣщеніе ограничивалось въ Западной Европѣ состоятельными классами. Ему былъ совершенно чуждъ профессиональный характеръ. Это объясняется господствовавшими тогда способами производства. Въ однѣхъ отрасляхъ, особенно сельскомъ хозяйствѣ, они были настолько просты, что всякое систематическое обученіе считалось излишнимъ. Въ другихъ — многихъ ремеслахъ, обученіе было нужно, но ученичество подъ руководствомъ мастера считалось наилучшей формой, въ которой человѣкъ можетъ получить профессиональное образованіе. Крайняя приниженнность большинства не открывала простора для убѣжденія, что ему нужно общее образованіе. Высшій и даже средній классы уже ощущали потребность въ образованіи, частью, общемъ—изученіи древнихъ языковъ съ ихъ литературами, исторіи—частью, спеціальному — изученіи права и богословіи, ибо только эти занятія высшихъ классовъ требовали систематической подготовки. Для высшихъ классовъ техническое образованіе не было нужно, такъ какъ они стояли въ круга материальнаго производства. Для среднихъ классовъ (горожанъ и зажиточныхъ поселянъ) оно не было нужно, такъ какъ способы производства были крайне просты и надзоръ за производительными процессами (со стороны людей достаточныхъ классовъ, состоящихъ въ этомъ процессѣ) не требовалъ систематической подготовки. Рѣзкія измѣненія въ техникѣ повели сначала прошлаго столѣтія къ рѣзкимъ перемѣнамъ и въ политкѣ народнаго просвѣщенія. Стало упрочиваться сознаніе, что новые способы производства будутъ тѣмъ лучше использованы промышленностью и тѣмъ быстрѣе усовершенствованы, чѣмъ болѣе будетъ удѣлено мѣста техническому образованію на всѣхъ ступеняхъ обученія, высшей, средней и низшей. Такимъ образомъ всѣ нормы народно-просвѣтительной политики, поскольку онѣ касаются техническаго образования, непосредственно обусловливаются способами производства. А возрастающее значеніе этихъ нормъ

во всей области права, которая имѣть своимъ предметомъ народное проповѣщеніе, явствуетъ уже изъ того, что число техническихъ училищъ увеличивается непрерывно. Въ 1903 году въ Германіи было 468 гимназій съ 2 древними языками и 265 реальныхъ училищъ разныхъ категорій; къ нимъ нужно пріобщить 122 реальныхъ гимназіи (съ однимъ латинскимъ языкомъ), которые образуютъ переходную ступень отъ классического образования къ реальному и являются уступкою со стороны первого послѣднему. Къ реальнымъ училишамъ нужно причислить среднія школы по сельскому хозяйству и разнымъ отраслямъ промышленности. На ряду съ 21 университетомъ Германіи (всѣ они болѣе или менѣе старинного происхожденія) есть 9 высшихъ техническихъ училищъ и 9 лѣсныхъ академій; большая часть этихъ заведеній возникла только въ XIX столѣтіи. Способы же производства, вызвавъ къ жизни специальная техническія заведенія, повліяли и на общее образованіе всѣхъ степеней. Упроченіе машинъ создало въ промышленности аристократію, богатую, властную, прикованную ко всемъ усладамъ жизни, пользующуюся почетомъ. Государственная служба потеряла въ глазахъ привилегированныхъ классовъ значительную часть своей привлекательности потому, что перемѣны въ промышленности выработали новые способы вліять на общественную жизнь (чрезъ биржу, синдикаты, печать); ранѣе такое вліяніе было возможно только чрезъ службу государству. Сознаніе, что, занявъ выдающееся мѣсто въ промышленности, человѣкъ устроить свою судьбу не хуже, а часто и лучше, чѣмъ на государственной службѣ, побуждаетъ многихъ стремиться въ техническія и профессиональныя училища. Наплыvъ въ нихъ болѣе великъ, чѣмъ въ университеты. Перемѣны въ способахъ производства повліяли и на низшее общее образованіе; но здѣсь эта связь не такъ ясна. Начиная съ древности и вплоть до новаго времени общее образованіе было удѣломъ достаточныхъ и лично свободныхъ классовъ. За низшими порабощенными классами не признавалось права на образованіе уже потому, что не признавалось права личности. Народная школа, предназначенная для бѣднѣйшихъ классовъ, могла развиться только послѣ того, какъ они получили личную свободу и какъ начало являться хотя нѣкоторое представление о ихъ человѣческомъ достоинствѣ и ихъ правѣ на образованіе. А ихъ личная свобода стала совершившимся фактомъ только послѣ перемѣнъ въ способахъ производства, которые сдѣлали необходимою замѣну крѣпостного труда вольнонаемнымъ.

Не трудно замѣтить, что главныя перемѣны, происходящія въ положительномъ правѣ, направлены къ охраненію господствующаго типа экономической жизни. Товарное производство требуетъ возможно большаго расширенія рынка,—и значительная часть законодательной работы и расходовъ въ главныхъ странахъ Запада направлены на то, чтобы заключать торговые договоры съ иностранными государствами и расширять колоніальныя владѣнія. Капиталъ заинтересованъ въ возможно болѣе долгомъ рабочемъ днѣ: поэтому фабричное законодательство развивается медленно. Когда намѣчаются новыя и благопріятныя для рабочихъ перемѣны въ фабричныхъ законахъ, то стараются предварительно отвѣтить на такой вопросъ: не ослабить ли сокращеніе рабочаго дня въ туземной промышленности ея способности соперничать съ иностраннымъ производствомъ на міровомъ рынке? Товарное производство, уже окрѣпшее въ главныхъ странахъ Европы, обладаетъ достаточною силой, чтобы во многихъ случаяхъ обойтись безъ государственной поддержки и развивать новое могущество изъ себя самого, посредствомъ синдикатовъ. Оно особенно нуждается въ томъ, чтобы государство предоставило ему свободу дѣйствій. И мы видимъ, что государство очень неторопливо обуздываетъ личную свободу, иначе го-

воля, произволъ имущихъ классовъ въ общественной жизни. Эта тенденція сказывается, напр., и въ сферѣ народнаго просвѣщенія. Расширеніе высшихъ техническихъ училищъ, устройство въ нихъ новыхъ каѳедръ, монументальныхъ химическихъ лабораторій или физическихъ кабинетовъ дѣлается гораздо легче, нежели умноженіе числа народныхъ школъ, увеличеніе жалованья народныхъ учителей и пр.

Гораздо меныше дѣлаетъ государство для охраненія тѣхъ фактovъ экономической жизни, которые соответствуютъ отсталымъ, но господствовавшимъ ранѣе формамъ хозяйства. Мелкая земельная собственность и ремесло могутъ извлекать выгоды изъ мѣръ, которыхъ прежде всего имѣютъ въ виду крупное производство. Отъ времени до времени въ литературѣ раздаются голоса о томъ, что полезно умножить классъ крестьянъ-собственниковъ, при посредствѣ крупной государственной кредитной операции. Конечно, государство нашло бы для этого средства; и мы видимъ, что оно находитъ ихъ безъ затрудненія, когда считаетъ полезнымъ провести эту мѣру изъ соображеній политическихъ (ими руководствуется прусское правительство при замѣнѣ въ Познани польскаго землевладѣнія германскимъ). Однако, эти мѣры вовсе не популярны; они не принимаются изъ соображеній объ интересахъ отсталыхъ общественныхъ группъ. Правда, государство или общины устраиваютъ или способствуютъ устроенію школъ для главныхъ отраслей ремесла, но въ области низшаго ремесленного образования дѣлается несравненно меныше, чѣмъ для высшаго или средняго техническаго.

Силы, дѣйствующія въ государствахъ Запада, объясняютъ, почему мало развиты и медленно развиваются нормы права, благопріятныя для третьяго теченія. Союзы рабочихъ, производительныя артели, потребительные общества, много или мало отрицающія типъ народнаго хозяйства, который теперь господствуетъ, не находятъ со стороны государства никакой поддержки. Довольно, повидимому, и того, что оно терпитъ ихъ существованіе. Свобода собраній и сходокъ въ Германіи, напр., едва держится подъ напоромъ враждебныхъ ей силъ, имѣющихъ участіе въ законодательствѣ. Въсکимъ доказательствомъ враждебности современнаго государства этимъ теченіямъ служитъ отношеніе французскаго правительства къ городскому управлению тамъ, где оно состоитъ изъ рабочихъ. Соціальная демократія одержала побѣду въ городахъ Лилль и Рубэ на выборахъ 1890 года; въ Рубэ мэръ, его товарищъ и совѣтники городской управы (всего 36) были выбраны изъ рабочихъ. Служба по муниципалитету не связана съ жалованьемъ; но обыкновенно правительство даетъ въ распоряженіе мэра значительныя суммы на представительство. Члены городской управы Рубэ, не имѣя никакихъ средствъ, кроме заработной платы, рѣшили оставить свои занятія на фабрикахъ; дабы вседѣло посвятить городу свое время, они начали хлопотать о выдачѣ мэру 36.000 франковъ ежегодно на расходы по представительству. Они намѣревались раздѣлить эту сумму поровну, по 1.000 франковъ на душу. Правительство, обыкновенно исполняющее такія ходатайства, отказало. Когда въ началѣ своей дѣятельности муниципалитетъ хотѣлъ усилить заботы о бѣднѣйшихъ классахъ, напр., устроить общественные аптеки для удешевленія лѣкарствъ, то полиція помѣщала имъ, ссылаясь на то, что содержаніе аптекъ городомъ не вошло въ обычай.

III.

Разъ столь очевидно вліяніе хозяйственной жизни на право, то нѣть надобности пояснить, что и наука права стоитъ въ большой зависимости отъ экономіи общества. То же скажемъ мы о наука народнаго хозяйства. Перемѣны въ хозяйственныхъ отношеніяхъ, обусловленныя преобразова-